

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В СТРАТЕГИИ США

DOI: 10.48647/IFES.2022.87.88.011

КОНЦЕПЦИЯ «ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА» КАК ПОПЫТКА ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ РЕГИОНА

Петровский В.Е.

Аннотация. Дается анализ концепции «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР), история ее возникновения, а также причина активизации попыток ее воплощения в жизнь на пространстве АТР. Особое внимание уделено стратегии США по созданию в АТР военных блоков типа QUAD и AUKUS.

Ключевые слова: США, ИТР, АТР, QUAD, AUKUS, геополитика, интересы.

V. Petrovskiy

Abstract. The paper analyses a concept for the Indo-Pacific, the history of its emergence, as well as the reason for the intensification of attempts to implement it in the Asia-Pacific Region. Particular attention is paid to the US strategies to create military blocs such as QUAD and AUKUS in the Asia-Pacific Region.

Keywords: USA, Indo-Pacific, APR, QUAD, AUKUS, geopolitics, interests.

В последнее время в США активизировались обсуждения концепции «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР) и практические действия по ее формированию. Эти усилия следует воспринимать как попытки Вашингтона «переформатировать» Азиатско-Тихоокеан-

ский регион (АТР) для достижения своих геостратегических и геополитических интересов.

Уместно напомнить, что Вашингтон обратился к данной идее еще в конце 2017 г., изложив тогда ее рамочное видение. В дальнейшем, при администрации Дональда Трампа были предприняты шаги по наполнению идеи конкретным содержанием. 30 мая 2018 г. министр обороны США объявил о переименовании Тихоокеанского командования в Индо-Тихоокеанское командование (хотя и прежде зона ответственности командования, по умолчанию, включала в себя акватории Индийского океана). Еще через несколько дней, на конференции Shangri-La Dialogue (SLD) в Сингапуре, глава Пентагона внес новые уточнения в идею ИТР, причем с акцентом именно на аспекты региональной безопасности. А примерно через полтора года, 4 ноября 2019 г., Госдеп США впервые опубликовал уже суммированный документ под названием «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (FOIP), в котором комплексно и обобщенно было представлено видение стратегии США в ИТР, причем в разделе по вопросам безопасности весьма четко говорилось об угрозах интересам США и их союзников, вызванных в частности, «провокациями КНР в Южно-Китайском море».

В январе 2021 г., уже после избрания президентом США Дж. Байдена, был обнародован ранее засекреченный документ «Контур стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона» (U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific). Данный факт многие эксперты расценили как свидетельство преемственности внешнеполитической линии США на азиатском направлении, независимо от партийной принадлежности руководства страны, поскольку именно этот документ, предусматривая открытое ужесточение противостояния с Китаем в военной и экономической сферах, лег в основу принятых в последние годы прикладных американских планов и программ, таких, как «Стратегический подход США к КНР», «Стратегический план США по противодействию экономической агрессии Китая», «План кампании США по противодействию пагубному влиянию Китая в международных организациях» и др.

При этом тема ИТР неизменно присутствует в докладах о «Стратегии национальной безопасности США», в последнем из которых говорится, что «в Индо-Тихоокеанском регионе имеет место геополитическая конкуренция между свободными и репрессивными видениями мирового порядка». Иными словами, концепция FOIP про-

должает модернизироваться и обретать уточнения, продвигается в различных форматах.

На практике свою стратегию ИТР США реализуют в регионе как по линии двусторонних отношений, так и путем создания многосторонних форматов сотрудничества. Главным из них считается объединение «Квадро» (QUAD), призванное «сплотить четыре демократии» Индо-Тихоокеанского региона — США, Японию, Австралию и Индию.

Члены QUAD демонстрируют единство в рассмотрении двух океанов как единого стратегического пространства. Вашингтон явно уделяет повышенное внимание Индии, рассчитывая на эту страну как на один из будущих «лояльных» США полюсов региональной безопасности наряду с Японией, Австралией и другими своими союзниками.

Несмотря на заверения США о том, что они не собираются создавать «азиатский аналог НАТО» с антикитайской направленностью, некоторые последние дипломатические шаги свидетельствуют об обратном. Так, в совместном заявлении, принятом после переговоров глав внешнеполитических и военных ведомств США и Японии в формате «два плюс два» в январе 2022 г., стороны «приветствовали растущую вовлеченность в индо-тихоокеанские дела европейских партнеров и союзников», в контексте чего были предметно упомянуты ЕС, НАТО, а также трехсторонний альянс AUKUS.

Присутствие в данном документе AUKUS закономерно привлекает повышенное внимание, в частности, в связи с тем, что ряд планируемых этим образованием шагов порождает вопросы по поводу их соответствия требованиям ДНЯО. Речь идет о том, что действующие в регионе зоны, свободные от ядерного оружия (Договор Раротонга от 1985 г., Бангкокский договор от 1995 г.), предусматривают запрет на присутствие в странах-участницах и в их акваториях кораблей, оснащенных ядерными энергоустановками. Данное обстоятельство и соответствующая аргументация должны использоваться в ходе диалога России с соответствующими странами, включая формат АСЕАН.

В упомянутом японо-американском заявлении есть дежурные слова о «центральной роли АСЕАН» в обеспечении региональной безопасности, однако фактически США и Япония заявили о готовности формировать некую альтернативную систему безопасности в ИТР, выдержанную в духе НАТО.

Отношение АСЕАН к проекту американского видения ИТР, основанному на геополитических интересах, далеко неоднозначно. В регионе не могут не замечать претензий Вашингтона на лидерство в

многосторонних консультационных механизмах безопасности в АТР и Южной Азии, которые по сути нивелируют в их работе ту самую «центральную роль» АСЕАН.

Тем не менее, есть основания полагать, что в силу ряда причин до формирования на основе QUAD сообразного НАТО азиатского военного блока еще далеко (если таким планам вообще суждено сбыться).

Во-первых, этому препятствуют правовые ограничения в пацифистской конституции Японии, а также политика неприсоединения Индии, которая наверняка будет последней из тех, кто захочет хотя бы обсуждать этот вопрос.

Во-вторых, страны QUAD настолько тесно зависят от торгово-экономических отношений с Китаем, что вряд ли захотят портить с ним отношения. Китай был в 2019 г. главным импортером для товаров из Австралии, вторым по значению для товаров из Японии и третьим — для Индии.

В-третьих (и это главное), время традиционных военно-политических альянсов уходит в прошлое. И хотя США, даже осознавая бесперспективность остановить время, все же не оставляют попыток сохранения лояльных им альянсов, последние просматриваются сегодня, главным образом, только в виде не жестких и менее обязывающих форматов.

В обозримой перспективе четыре партнера с большой долей вероятности будут участвовать в сотрудничестве и координации без формальных договоренностей о союзе. Это даст им большую гибкость в практическом плане, особенно применительно к военно-политической сфере.

Упомянутые события и процессы не могут не вызывать озабоченностей у России. Сторонники классических геополитических подходов не без оснований говорят о том, что за счет своей стратегии в ИТР США стремятся вглубь Евразии, преследуя при этом цель сдерживания Китая, создания вокруг него жесткого «каркаса» (как морского, так и сухопутного). В документах Госдепа США по ИТР в негативном ключе упоминается и непосредственно Россия.

Тем не менее, тотальное отрицание идеи ИТР вряд ли целесообразно. Россия могла бы выступить с инициативой дискуссии о фокусировании концепции ИТР на экономических, гуманитарных проектах, на уходе от новой конфронтации. Тем более, что склонность как раз к такому видению ИТР часто декларируют в Индии, других странах региона. Для продвижения такого подхода могла бы использоваться площадка РИК, мероприятия АСЕАН.

На фоне активизирующихся региональных стратегий США лишь растет необходимость повышенного внимания к российско-китайскому стратегическому партнерству. В контексте формирования механизмов безопасности и сотрудничества в Евразии и АТР речь, прежде всего, идет о кооперации в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), механизмах сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Пояса и Пути», а также последовательной реализации российской инициативы Большого Евразийского партнерства (БЕП).